

УДК 338.2 JEL F64:Q28: Q38: Q56
DOI 10.31857/S032120680004913-8

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ

Н.В. Кручинина

Российский университет транспорта (МИИТ).

Российская Федерация, 127994 Москва, ул Образцова, д 9, стр. 9

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7605-5508> e-mail: twins_77@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 25.02.2019.

Резюме: Темпы экономического роста обострили проблему, связанную с ограниченностью биоёмкости планеты, а экологический фактор влияет на благосостояние: от сокращения продолжительности жизни до природных катаклизмов. Признание миром паритета экологических, экономических и социальных ценностей ознаменовало переход к устойчивому развитию. К настоящему времени 193 государства объявили о разработке и реализации экологической политики в соответствии с принципами устойчивого развития.

Отсутствие системности, связи развития регионов мира с основными экологическими проблемами значительно снижает эффективность механизмов международной экологической политики, и в конечном счёте сдерживает устойчивое развитие. Слабо взаимодействуют стратегии, региональные программы и другие направления по важнейшим целям тысячелетия.

2015 год стал значительным этапом в мировой экологической повестке дня: была принята очередная амбициозная «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Основные недостатки действовавших документов в этой области не были устранены, и поэтому спустя два года ООН констатировала не только не достаточный прогресс, но и невозможность выполнить некоторые задачи в условиях современных тенденций. Реализация целей устойчивого развития, намеченных мировым сообществом под эгидой ООН должна привести к крупным изменениям и решению глобальных проблем не только в области охраны окружающей среды.

Значение сбалансированной экологической политики устойчивого развития определило круг вопросов настоящего исследования. Рассматриваются основные недостатки международной экологической политики и меры их преодоления на основе использования общелогических научных методов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, экономический рост, цели развития тысячелетия, экологический кризис, международное партнёрство.

Для цитирования: Кручинина Наталья Викторовна. Международная экологическая политика: баланс интересов. США & Канада: экономика, политика, культура. 2019;49(5):85-97. DOI 10.31857/S032120680004913-8

International Environmental Policy: Balance of Interests

Natalia V. Kruchinina

Russian University of Transport (MIIT).

9, b9 Obrazcova Street, 127994 Moscow, Russian Federation

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7605-5508> e-mail: twins_77@inbox.ru

Received 25.02.2019.

Abstract: The pace of economic growth has exacerbated the problem of the limited bio-capacity of the planet, and the environmental factor really limits well-being: from reducing life expectancy to natural disasters. Recognition by the world of parity of ecological, economic and social values marked the transition to sustainable development. To date, 193 states have announced the development and implementation of environmental policies in accordance with the principles of sustainable development.

The lack of systematic, interconnected development of the regions of the world with major environmental problems, significantly reduces the effectiveness of international environmental policy mechanisms, and ultimately, restrains sustainable development. The strategies, regional programs and other documents on the key millennium goals are weakly linked.

2015 was a significant stage in the world environmental agenda, and was marked by the adoption of the next ambitious Agenda for Sustainable Development for the period until 2030. The main shortcomings of the existing documents in the field of sustainable development goals were not eliminated, and therefore, 2 years later, the UN noted not only insufficient progress for a number of purposes, but also the impossibility of fulfilling some goals in the current trends.

The implementation of the sustainable development goals set by the world community under the aegis of the United Nations should lead to major changes and the solution of a number of global problems, not only in the field of environmental protection.

The importance of a balanced environmental policy for the implementation of sustainable development objectives determined the scope of the present study. The article considers the main shortcomings of the international environmental policy and measures to overcome them, based on the use of general scientific methods.

Keywords: sustainable development, economic growth, millennium development goals, environmental crisis, international partnership.

For citation: Kruchinina N.V. International Environmental Policy: Balance of Interest. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2019;49(5):85-97.

DOI: [10.31857/S032120680004913-8](https://doi.org/10.31857/S032120680004913-8)

ВВЕДЕНИЕ

В 1974 г. был опубликован доклад Римского клуба под названием «Человечество на перепутье». Авторы пришли к выводу, что решить проблему повто-

рения мировых кризисов можно только в глобальном масштабе, что означает полную интеграцию всех стран на основе новой стратегии «ограниченного развития». Впоследствии было подготовлено около 20 докладов под эгидой Римского клуба, в которых так или иначе поддерживалась идея «нулевого роста». Это означает, что загрязнение окружающей среды и истощение ресурсов достигло такого уровня, что при современных темпах индустриализации и увеличения численности населения мир в скором времени подойдет к пределам роста. Переломить тенденции роста возможно на основе долгосрочной политики эколого-экономического и социального развития. Концепция сбалансированного развития, лежащего в границах воспроизводственных способностей Земли, получила название «устойчивое развитие» (1992 год, Рио-де-Жанейро). Один из его критериев, определённых ООН в «Повестке дня XXI века» – не превышение современного уровня загрязнения окружающей среды, поскольку было признано, что «нулевое загрязнение» уже невозможно [Кручинина Н.В. 2014: 12].

Среди целей концепции устойчивого развития, таким образом, нет отказа от роста производства и потребления. Более того, современная «Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятая на Генеральной Ассамблее ООН в 2015 г., устанавливает 17 целей развития тысячелетия (ЦРТ), среди которых не только улучшение состояния окружающей среды, но и защита прав человека, сокращение распространения смертельно опасных заболеваний, нищеты, включая программу «нулевой голод» и др. Поскольку рост производства и потребления неизбежны, предотвращение глобального экологического кризиса находится в плоскости качественной трансформации моделей производства и потребления. Существует также концепция устойчивого производства и потребления (1994 год, Осло).

Императивом концепции устойчивого производства является предотвращение загрязнения окружающей среды на основе внедрения наилучших доступных технологий, т.е. использования инновационных достижений. Реализация целей устойчивого потребления находится на пути сознательного выбора потребителем так называемого «экологического» стиля жизни. Поскольку речь идёт о формировании потребительского поведения, а следовательно, о воздействии на психологические аспекты, то достижение целей представляется более затруднительным. И конечно, роль государственных институтов и негосударственных общественных организаций здесь весьма высока.

Таким образом при разработке и реализации концепции устойчивого развития можно выделить следующие проблемы:

- содержание самого понятия «устойчивое развитие»,
- формирование конкретных мер по достижению устойчивого производства и потребления,

– политический фактор в преодолении экологического кризиса в глобальном, национальном и региональном масштабах [Гранберг А.Г., Данильян В.И. 2002].

Но, как известно, экологическая политика структурирована по уровням, начиная от глобального, заканчивая корпоративным. Таким образом представляется актуальным исследование роли глобальной экологической политики в достижении целей устойчивого развития.

Поиск путей преодоления экологического кризиса привёл к выдвиганию новой парадигмы развития современного мира, оформленной в концепцию устойчивого развития. Последняя стала синтезом научных течений и объединила консервативные и революционные взгляды на решение экологических проблем. Так, консервативные научные теории исходят из необходимости ресурсного ограничения развития цивилизации, а в качестве решения проблемы предлагают комплексное использование технических, рыночных и государственно-правовых инструментов. Причём зачастую акцент на какой-либо инструмент, делает автора приверженцем так называемого «техницистского» (В. Бекман, Д. Мардокс), рыночного (Р. Коуз, Т. Тайтенберг) или государственно-правового подхода (А. Гор, А. Урсул). В целом постулаты консервативного течения легли в основу концепции устойчивого производства.

Революционное направление научных исследований по преодолению экологического кризиса (В. Лейсс, К. Мэллос) строится на идее коренного (революционного) изменения структуры и приоритетов общества, что созвучно с концепцией устойчивого потребления [Кручинина Н.В. 2014].

Важной целевой установкой ООН, определяющей глобальные ориентиры, является реализация национальных стратегий устойчивого развития, а план действий по достижению этих целей составляет основу экологической политики. Несмотря на важность партнёрства, ООН признаёт ответственность стран за своё социально-экономическое развитие. Это означает, что правительства должны признать важность выполнения задач устойчивого развития и разработать соответствующие программы в рамках экологической политики. Хотя программы и разработаны в большинстве стран, однако в их реализации имеются некоторые общие черты.

Одна из основных проблем заключается в несоответствии уровня загрязнения, донором которого является государство, и его усилий, направленных на формирование новой модели производства и потребления.

ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

США и Канада с 60-х годов прошлого столетия были инициаторами разработки и реализации экологической политики, это было связано со значительным разрушающим влиянием промышленности и сельского хозяйства на окру-

жающую среду. Акцент в различные периоды смещался от административных к рыночным методам управления природоохранной деятельностью. В конце 1980-х – начале 1990-х годов в США начался качественно новый этап в развитии природоохранной деятельности: это был переход от борьбы с загрязнением к его предотвращению на основе технологических инноваций. В Российской Федерации переход к наилучшим доступным технологиям начался с 2011 г. и сейчас происходит активная разработка справочников по таким технологиям.

Существенные успехи в оздоровлении окружающей среды, обусловленные, прежде всего, использованием рационального экономического механизма, и технологические разработки объясняют претензии США на лидерство в вопросах разработки и реализации экологической политики. Последняя акцентируется на двух глобальных проблемах – устойчивое развитие и отношения с развивающимися странами. Эти отношения, связанные с экологическими проблемами актуальны для США по ряду причин.

Во-первых, одна из глобальных проблем в мире сегодня – изменение климата. Как известно, США в своё время не присоединились к Киотскому протоколу, и таким образом, не приняли конкретных обязательств по сокращению выбросов двуокиси углерода, а с 1 июня 2017 г. вышли из Парижского соглашения по климату. Но, тем не менее, выдвигают требования неограниченного участия развивающихся государств в сокращениях выбросов и участию в совместных проектах по зачёту квот. Сегодня только у 37% компаний в мире есть открытая отчётность по эмиссиям двуокиси углерода [6]. При этом наиболее важные результаты по внедрению и инвестициям в технологии, позволяющие вторично использовать выбросы CO₂ регистрируются в странах Европы. Так, в Германии компании Си-эй-ти и «Ковестро» используют технологию выделения углерода [6]. В США промышленное лобби блокировало возможности страны участвовать в Парижском соглашении по климату. При этом наращивается производство сланцевого газа и его экспорт на рынки Латинской Америки, Азии. На побережье Мексиканского залива на базе терминала сжиженного природного газа, принадлежащего «Ченьер энерджи» (*Cheniere Energy*), планируется построить четвертый завод по переработке сланцевого газа. По данным Минэнерго США, с 2016 г. только этот терминал отправил 3,8 млн т сжиженного природного газа в страны Латинской Америки и 1,1 млн т в страны Азии (Япония, Южная Корея, Индия, Китай). При этом все импортёры сжиженного сланцевого газа США в контрактах имеют условие, обязывающее выкупать установленный объём, не учитывая при этом перспективы использования у самого импортёра. Таким образом, обеспечивается постоянная полная загрузка заводов по переработке сланцевого газа, а значит, фактически задача сокращения потребления не ставится.

Влияние технологий производства сланцевого газа на окружающую среду заключается в рисках изменения структуры недр, загрязнения грунтовых вод,

поверхностных вод и почвы, выбросов в атмосферу парниковых газов. По данным исследования Массачусетского технологического института, в среднем на 10 тыс. скважин приходится 43 инцидента загрязнения грунтовых и поверхностных вод, из них половина образуется в процессе бурения, а 33% – это случаи загрязнения поверхности отработанными водами (отходами) [Надари Симония, 2014; 1: 1]. Франция в 2011 г. законодательно запретила разработку и добычу сланцевого газа. В 2013 г. такой же запрет ввела Испания, несмотря на богатейшие залежи в регионе Кантабрия, и импорт энергоносителей в объёме около 76% потребления. Аналогичные запреты действуют в Германии, Италии, Австрии, Швейцарии, Ирландии, а также в Канаде. В Болгарии запрещена даже разведка месторождений сланцевого газа. В Чехии и Литве подобные запреты были приняты после массовых протестных выступлений [Двенадцатова Т.И. 2016, 4: 36–46].

Во-вторых, США и Канада являются мировыми лидерами по производству промышленных и бытовых отходов в расчёте на душу населения. В 1989 г. была принята Базельская конвенция, которая сегодня является единственным глобальным соглашением об утилизации опасных отходов, а также по предотвращению экспорта таких отходов из богатых стран в бедные. В частности, положения конвенции запрещают экспортировать «электронный мусор» (старые компьютеры, сотовые телефоны и т.д.) даже для утилизации [1]. США не только не ратифицировали Базельскую конвенцию, но и препятствуют наложению запрета на собственный вывоз «электронного мусора» в Китай и страны Африки. Основным аргументом, объясняющим такую позицию, являются отрицательные последствия для предприятий по переработке отходов, расположенных в развивающихся странах.

Наращивание объёмов отходов и их экспорт в менее развитые страны приводит к увеличению так называемого экологического следа, т.е. меры воздействия человека на среду обитания. Чем больше экологический след, тем меньше биоёмкость (см. табл. 1).

Дефицит биоёмкости означает, что экологический след государства превышает биодоступность среды. Столь высокие показатели Канады объясняет жёсткость природоохранного законодательства и наличие труднодоступных мест для промышленного развития. Основная часть африканских государств, Индия, страны Азии также располагаются в зоне дефицита биоёмкости, в основном за счёт переноса на эти территории «грязных» производств и экспорта отходов. В качестве примера можно привести результаты действия Североамериканского соглашения о свободе торговли между США, Канадой и Мексикой (НАФТА). По этому соглашению предполагалось ужесточить контроль за трансграничным загрязнением окружающей среды. При этом строгость природоохранного законодательства в Мексике компенсировалась низким уровнем его исполнения, в отличие от Канады и США. В результате производства, которые не могли существовать на территории США и Канады из-за высоких штрафов и жёстких тре-

бований, переместились в Мексику. США, Канада и Мексика являются членами Венской конвенции об охране озонового слоя и к 1996 г. практически прекратили применять озоноразрушающие вещества. Но чёрный рынок хлорфторуглеродов (ХФУ, ГХФУ) действовал именно в Мексике [3].

Таблица 1

Динамика биоёмкости ряда стран («-» дефицит/ «+» профицит)

Наименование	Годы				
	1998	2002	2005	2010	2016
США	-6,3	-6,3	-6,6	-5,2	-3,6
Канада	+9,5	+8,3	+7,6	+7,5	+7,2
Мексика	-1,8	-1,7	-1,4	-1,7	-1,4
Германия	-3,6	-3,6	-3,4	-3,7	-3,2
Франция	-2,6	-2,4	-2,5	-2,3	-1,9
Великобритания	-4,2	-4,8	-4,9	-4,2	-3,6
Китай	-0,9	-1,1	-1,7	-2,4	-2,7
Швеция	+4,7	+4,3	+3,0	+3,6	+3,3
Норвегия	+1,8	+2,3	+1,9	+1,5	+1,6
Россия	+1,9	+1,8	+1,6	+0,7	+1,3

Рассчитано автором по данным: *Ecological Footprint Explorer* <http://data.footprintnetwork.org>.

Показатели масштабов использования среды целесообразно сравнить с размерами финансирования мероприятий по её восстановлению. Так, в 2000 г. ООН определила Повестку дня на XXI век, в которой было провозглашено десять целей устойчивого развития с 2000 по 2015 гг. Для их реализации был образован Комитет содействия развитию, куда вошли 28 стран (РФ не входит). Эти страны обязались осуществлять Официальную помощь в целях развития (ОПР), предназначенную для африканских стран, мелких островных государств. Размер помощи в год, установленный ООН, составляет 0,7% валового национального дохода (ВНД) страны [4].

В 2014 г. ОПР составила 135,2 млрд долл. При этом только пять стран (Швеция, Люксембург, Норвегия, Великобритания и Дания) достигли установленного порога помощи, а Швеция, Норвегия и Люксембург его значительно превысили. Размер ОПР США в 2014 г. составил 0,2% ВНД, что на 0,1% выше, чем в 2000 г., Канады – 0,2% ВНД, что на 0,05% ниже, чем в 2000 году [4].

Лидирующие позиции по вкладам в Фонд окружающей среды, действующий под эгидой ЮНЕП (программа ООН по окружающей среде), также принадлежат европейским государствам: Нидерланды (13%), Германия (12%) и Франция (11%). Доля США оставляет 9%, а Канады – 4% [5].

По программе помощи в интересах торговли развивающиеся страны получили определённые торговые льготы и возможность экспортировать свою продукцию на рынки развитых стран, за исключением нефти и оружия. К концу

2014 г. доля импорта, поступающего из наименее развитых стран на рынки развитых стран составила 84%, 60% из этого объёма поставлялось в рамках преференциального доступа. Например, страны Карибского бассейна для получения доступа на рынки США должны импортировать продукцию, произведённую из материалов, закупленных в США. И хотя страны – доноры ОПР в рамках реализации Повестки дня в области устойчивого развития до 2015 г. обязались противодействовать протекционизму, 77% протекционистских мер не было устранено к 2015 году [2].

За 2000–2015 гг. торговля комплектующими изделиями между развивающимися и развитыми странами достигла 40% [4]. Расширение так называемых глобальных производственно-сбытовых цепей, с одной стороны, даёт возможность развивающимся странам преодолеть бедность, но, с другой – способствует росту уровня загрязнения, поскольку основная часть помощи в интересах торговли направлена на наращивание производственных мощностей и экономической инфраструктуры в этих странах. При этом, не все из них могут участвовать в программе равноправно, так как развитыми государствами создаются барьеры в форме понижения собственных тарифов и ужесточения требований к экологической чистоте продукции.

Другая значительная проблема международной экологической политики – декларативный характер целей. Несмотря на провозглашение концепции устойчивого развития доминантой мирового движения, ООН всё же в Повестке дня на XXI век ставит цель экономического роста и достойного труда на основе инновационных технологий одной из основных, предполагая переход на модель устойчивого потребления. Цели, поставленные в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2015 г., не были достигнуты. Это отмечено в докладе Целевой группы по оценке прогресса в достижении целей устойчивого развития, представленном в 2015 г. в Нью-Йорке на заседании Генеральной Ассамблеи ООН. Кроме того, группа отметила такие недостатки, как нечёткость формулировки задач, несоответствие поставленным задачам оценочных показателей; отсутствие сроков исполнения по целевым установкам, недостаточная информативность некоторых показателей. Например, при оценке уровня доступа к новым технологиям использовался показатель «количество телефонных линий на 100 человек» [4].

В 2015 г. под эгидой ООН была принята новая Повестка в области устойчивого развития на период до 2030 г., которая выдвинула уже не 10, а 17 целей (цели развития тысячелетия – ЦРТ) и 169 задач. Сейчас основные направления устойчивого развития, принятые международным сообществом, закреплены в следующих документах:

- Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года,
- Парижское соглашение по вопросам изменения климата,
- Сендайская рамочная программа по снижению рисков бедствий,
- Аддис-Абейская программа действий по финансированию развития.

Действует Глобальная платформа ООН для обмена идеями по реализации заявленных ЦРТ. В её работе участвует 9413 компаний, из которых 4722 из Европы (без РФ), 378 – из США, 387 – из Африки [6].

Необходимо отметить, что принцип партнёрства и сотрудничества в достижении цели признаётся приоритетным, однако на практике реализуется недостаточно грамотно. По-прежнему отсутствует работа по формированию глобального размещения производительных сил и всеобщему распространению наилучших доступных технологий. Политические факторы оказывают значительное негативное влияние на организацию таких исследований.

Таблица 2

Вероятность достижения ЦРТ к 2030 г.

Цель	Остальной мир	БРИКС	Китай	ОЭСР	США
Экономический рост и достойный труд	Средняя	Средняя	Средняя	Низкая	Низкая
Инновации и инфраструктура	Средняя	Средняя	Высокая	Высокая	Высокая
Нулевой голод	Низкая	Низкая	Высокая	Высокая	Высокая
Хорошее здоровье и благополучие	Средняя	Средняя	Высокая	Высокая	Высокая
Качественное образование	Низкая	Средняя	Высокая	Высокая	Высокая
Гендерное равенство	Низкая	Низкая	Низкая	Средняя	Средняя
Ответственное потребление	Высокая	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Изменение климата	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая	Низкая
Чистая вода и санитария	Низкая	Низкая	Низкая	Средняя	Средняя
Чистая энергия	Средняя	Средняя	Высокая	Средняя	Средняя
Биоразнообразии (океан)	Низкая	Низкая	Низкая	Средняя	Средняя
Биоразнообразии на земле	Низкая	Низкая	Средняя	Средняя	Средняя
Устойчивые города и сообщества	Низкая	Средняя	Низкая	Высокая	Высокая

Систематизировано автором по: Business Solutions to Sustainable Development. United Nations Global Compact Progress Report. NY. UN. 2017. P. 35, 45, 56.

В Докладе ООН «Бизнес-решения и устойчивое развитие», опубликованном в 2017 г., была проведена оценка вероятности выполнения ЦТР с позиции имеющихся на сегодняшний день данных.

При этом мир был разделён на пять секторов: США, Китай, страны БРИКС, страны ОЭСР, и весь остальной мир (ROW), а вероятность достижения целей на три уровня: 95% (высокая), более 50% (средняя) и значительно ниже 50%, или практически не достижимая (низкая). Анализ выполнения некоторых ЦРТ приведен в табл. 2.

Таким образом, экономический блок целей устойчивого развития показывает вероятность экономического роста выше 50% во всех регионах, кроме наиболее развитых, что ещё раз подчёркивает возможность стагнации. Тогда как в использовании инноваций и инфраструктурных преимуществ лидируют как раз наиболее развитые регионы.

Анализ вероятности выполнения социального блока целей устойчивого развития к 2030 г. (здоровье, еда, образование, медицина и гендерное равенство) демонстрирует неуверенность в их реализации в странах БРИКС и оставшемся мире, который включает большинство беднейших развивающихся стран.

Цели экологического блока устойчивого развития со средней вероятностью достижимы в США и странах ОЭСР, т.е. в наиболее развитых странах мира. А такая важнейшая цель, как «Изменение климата», при сохранении современных тенденций охраны окружающей среды вообще не достижима.

Цель «ответственного потребления» предполагает переход к устойчивому потреблению, т.е. отказу от экологически грязных продуктов и технологий. Однако её достижение с высокой вероятностью можно ожидать только в странах третьего мира. Наиболее развитые страны не смогут достичь устойчивого потребления к 2030 году.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка международной экологической политики позволила сделать следующие выводы. Экономическая политика зависит от экологии и социальных процессов в обществе и базируется на трёх факторах: земля, капитал и труд. Современные реалии таковы, что ассимиляционный потенциал планеты близок к исчерпанию, это вызывает обострение экономических и социальных проблем. Так, потери от неудовлетворительного водоснабжения и низкого уровня санитарии оцениваются в 260 млрд долл. в год, но в то же время рентабельность инвестиций в это направление составляет 550%. Экономические возможности от использования «зелёных» механизмов в экономике, по оценкам ООН, составляют 23 трлн долл. в год [6].

Высокая вероятность стагнации в экономике наиболее развитых стран мира (США, Европа), с одной стороны, и жёсткое природоохранное законодательство – с другой, делают рынки развивающихся государств Африки, Азии и Ла-

тинской Америки весьма привлекательными для инвестиций. Например, более половины ЦРТ имеет социальную направленность, а обслуживание этих потребностей – хороший бизнес для развитых стран. Предоставляемая обязательная помощь в целях развития обязывает страны-получатели закупать материалы и продукты в странах-донорах, тем самым стимулируя сбыт. Например, для реализации цели «Устойчивые города и сообщества» страны – получатели помощи должны приобретать экологически чистые строительные материалы, использовать чистую энергию и т.д. Газ, в том числе и сланцевый, считается более чистой энергией по сравнению с мазутом и углем. В связи с этим стимулирование производства и сбыта сланцевого газа США не противоречит целевым установкам использовать альтернативную энергию, хотя добыча и переработка сланцевого газа имеют крайне негативные последствия для окружающей среды и, прежде всего, влияют на изменение климата. Невозможность достичь цели по климату при сохранении современных тенденций, подчёркивалась и в Париже на Конференции по климату (2015 г.), и также в Докладе ООН «Бизнес-решения и устойчивое развитие» (2017 г.).

Отсутствие чётко сформулированных целей развития и их адекватного количественного измерения соответствующими показателями были характерны для Повестки дня на XXI век, разработанной под эгидой ООН и действовавшей до 2015 г. В результате Целевая группа, проводившая анализ выполнения ЦРТ, констатировала, что они не выполнены. Новая Повестка на период до 2030 года содержит ещё более амбициозные цели. Через два года после начала реализации повестки, ООН констатировала, что часть целевых установок при современном подходе практически не может быть выполнена. К ним относятся «ответственное потребление», «изменение климата», «чистая вода и санитария». Но только от проблем с парниковыми газами мировая экономика теряет до 12 трлн долл. в год, а к 2050 г. 60% экосистем окажутся на грани выживания [6]. Если же не изменятся объёмы потребления, то уже к 2030 году 15–40% видов растений и животных будут навсегда утрачены. В связи с этим весьма сомнительным и декларативным выглядит первостепенный учёт экологических интересов по отношению к экономическим в международной политике. Развитые страны не планируют сокращать производство и потребление, но решение социальных проблем наименее развитых стран приведёт к ещё большему экономическому росту. И хотя утверждается, что этот экономический рост будет осуществлён на «зелёной» основе, примеры показывают, что это не всегда так. В полной мере реализовать существующий потенциал экологической политики в мире можно только при условии стратегического планирования территориально локализованных факторов.

По-видимому, необходимо продолжать совершенствование международной политики в целях устойчивого развития по следующим направлениям:

– проработка моделей развития и размещения производительных сил в отдельных странах, чтобы учесть действие угроз их устойчивому развитию в сочетании с резервами социально-экономического характера;

– объединение разработанных локальных моделей размещения производительных сил с учётом целей устойчивого развития.

В этом случае стратегические цели будут носить обоснованный характер, на основе научного подхода, что будет способствовать устранению их декларативности.

ИСТОЧНИКИ

[1] Доклад Конференции Сторон Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением. Женева, 2013. 129 с.

[2] Доклад Целевой группы по оценке прогресса в достижении ЦРТ за 2015 год. Факторологический бюллетень: что еще не сделано? Нью-Йорк. ООН, 2015. 3 с.

[3] Стратегии реагирования. Глобальный и региональный обзор. Нью-Йорк. ООН, 2003. 319 с.

[4] Taking Stock of the Global Partnership for Development. NY. UN, 2015.

[5] Transforming Our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development. Resolution adopted by the General Assembly. NY. UN, 2015.

[6] Business Solutions to Sustainable Development. United Nations Global Compact Progress Report. NY. UN, 2017.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акимова Т.А. Устойчивое развитие. М.: Экономика, 2003.

Гранберг А.Г., Данилов-Данильян В.И. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке. М.: Экономика, 2002.

Двенадцатова Т.И. Экологическая изнанка сланцевой революции: риски, запреты и перспективы. *НефтьГазПраво*. 2016. № 4. С. 36–46.

Кручинина Н.В. Повышение эффективности природоохранной деятельности на основе совершенствования управления в условиях устойчивого развития. Саратов: ИЦ Наука, 2014. 178 с.

Нодари Симония. Момент истины для сланцевой революции. *Эксперт*. 2014. № 1 (929). С. 12.

REFERENCES

Akimova T.A. Ustojchivoe razvitie [Sustainable development]. Moscow, Jekonomika, 2003.

Granberg A.G., Danilov-Danil'jan V.I. Strategija i problemy ustojchivogo razvitija Rossii v XXI veke [Strategy and problems of sustainable development of Russia in the 21st century]. Moscow, Jekonomika, 2002.

Dvenadcatova T.I. Jekologičeskaja iznanka slancevoj revoljucii: riski, zaprety i perspektivy. *Neft'GazPravo* [Ecological side of the slate revolution: risks, bans and prospects. *OilGazPravo*], 2016, no 4, p.36-46.

Kruchinina N.V. Povyshenie jeffektivnosti prirodoohrannoj dejatel'nosti na osnove sovershenstvovanija upravlenija v uslovijah ustojchivogo razvitija [Increasing the effectiveness of environmental protection activities on the basis of improving governance in a context of sustainable development]. Saratov, IC Nauka, 2014, 178 p.

Nodari Simonija. Moment istiny dlja slancevoj revoljucii. *Jekspert* [The moment of truth for the slate revolution. *Expert*], 2014, no. 1 (929), p. 12.

Snorrason S.T. Asymmetric Economic Integration: Size Characteristics of Economies Trade Costs and Welfare. Berlin, 2013, 203 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Кручинина Наталья Викторовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика, финансы и управление на транспорте», Российский университет транспорта. Российская Федерация, Москва

Natalia V. Kruchinina, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Associate Professor. Economics, Finance and Management in Transport, Russian University of Transport. Moscow, Russian Federation